
ТЕОРИЯ

ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?

Бузгалин Александр Владимирович – д.э.н., заслуженный профессор МГУ, гл. редактор журнала «Альтернативы»

Поиск ответа на вопрос «Что есть Россия?» долог. Труден. Мучителен. Драматичен. Подчас трагичен. Иным кажется бессмысленным...

Все последние годы его почти исключительно ведут в рамках одного поля – поля духовно-религиозно-природного бытия. Единственная собственно социальная материя, которая к этому подключается? – проблематика государства (но не как носителя права и/или особого аппарата, а как территории-власти-скрепы народного единства). Так ищут нашу специфику Н. Нарочницкая и С. Кара-Мурза, Ю. Осипов и Б. Межуев, и многие, многие другие... В результате авторы, принадлежащие к этому проблемному полю, в большей или меньшей мере сходятся на том, что у России (как некоего историко-пространственного континуума, сохраняющегося так или иначе на протяжении многих столетий вопреки всем катаклизмам) есть некоторый набор черт, который можно описать в понятиях соборности, народности, православия, державной государственности.

И поскольку все (исключения мне неизвестны) авторы, принадлежащие к этому полю, стоят на позициях так называемого «цивилизационного подхода» как главного (единственного) ключа к пониманию истории вообще и российской истории в частности, постольку хотелось бы сразу предложить очень жесткое утверждение: в рамках этого подхода нельзя найти ответ на вопрос о специфике российского социума, инвариантах его развития.

В таком контексте – в рамках небольшой статьи возможны лишь краткие тезисы-гипотезы.

Как нельзя искать специфику России

Сначала о том, как нельзя, на мой взгляд, искать специфику российского социума.

Первое. Ее нельзя искать в добродетельных чертах, задаваемых каким бы то ни было *универсалистским*, принадлежащим всему человечеству, всем историческим эпохам посланием, религиозным (10 заповедей...) или светским (Декларация прав человека...), которое воспринимается людьми как устанавливающее критерий нравственного поведения.

Так, нельзя искать специфику России в универсалиях христианской религии. Во-первых, потому, что надо точно трактовать религиозные послылы. Если мы вспомним

ветхозаветные, унаследованные христианством, 10 заповедей так, как они были сформулированы в Библии, то, напомним, первые 5 из них посвящены тому, что на первом месте в жизни человека должен стоять Господь. Далее идет набор императивов, многие из которых сегодня выглядят, по меньшей мере, странно (только один пример: в этих заповедях, в частности, говорится, что нельзя возжелать чужого раба, но ничего не говорится о том, что иметь *своего* раба – аморально).

В общественном сознании эти религиозные заповеди превратились в повторение тех инвариантов человеческого бытия, которые вы найдете (с очень небольшими флуктуациями) в любой другой социально-философской системе.

Вот почему специфику православия или, тем более, российского социума здесь не поймать.

(В скобках замечу: я не встречал четкой формулировки такой специфики православия как религии в отличие от остальных ветвей христианства, которая бы точно указывала на основные особенности нашего общества. То, что для России, – хотя и не только для России и не для всей России, – типично православие, не означает, что специфика этой религии есть специфика России. Для территории России на протяжении тысячелетий было типично язычество. Бывшая «поголовно православная» Российская империя в течение всего лишь нескольких десятилетий превратилась в СССР, где люди были не менее нравственны, духовны и культурны, чем в прежней империи, но о религии в подавляющем большинстве вообще не задумывались...).

Итак, специфику России нельзя искать в универсальных ценностях Человечества. Нельзя, ибо иначе мы себя – русских (в лучшем случае – россиян) выдаем за тех, кто по фундаментальнейшему, универсальному, общечеловеческому критерию лучше других. Те, кто поступает *так*, по сути утверждают, что Мы – Русские – адекватнее, полнее, истиннее и т. п. отражаем-воплощаем высшие и универсальные нравственные ценности Человечества. Последнее есть чистой воды шовинизм.

Второе. Не надо искать специфику российского социума в тех чертах, которые исторически в разное время воспроизводились в разных социумах (сходных социальных характеристиках, проявлявших себя наиболее ярко сначала в одних, затем в других цивилизациях).

В этой связи я (*в первый*, но не в последний раз *в этой статье*) предлагаю обратить внимание на *социальную философию марксизма*, в частности, на такой атрибут классического марксизма, как *исторический подход к социальным исследованиям*. Если мы сравним Францию эпохи позднего феодализма, с одной стороны, с Россией конца XIX – начала XX в. (а это период, к которому принадлежит большая часть тех мыслителей, которых цитируют «руссофилы»), а с другой – с современной Францией, то мы найдем гораздо больше общего между Францией XVII в. и Россией конца XIX в., чем между Францией XVII в. и Францией XXI в. Просто в России исторически мы с большим опозданием (примерно на 200 лет) пришли к тому, что было во Фран-

ции два века назад, а именно – к позднему феодализму абсолютистского типа, несущего значительные компоненты рождающейся буржуазной системы.

Значительная часть той специфики, которую многие отечественные «цивилизационники» приписывают России, – это специфика позднефеодальных единых государств со всеми их чертами – приоритет государства, отождествляемого с монолидером (в российском случае – самодержавие), религии как формы организации духовной жизни, подчинение индивида целому (человек существует как личность только в духовно-религиозном измерении без прав личности), приоритет геополитических ценностей, прикрываемых той или иной религиозной риторикой (любая военная экспансия, в частности, оправдывается как воплощение религиозных заветов – борьбы с нехристиами или с неверными...) и т. п.

Соответственно, то, что противопоставляется этой якобы специфике российского социума, – это опять же универсальные черты стандартного буржуазного, рыночно-демократического социума, т. е. того социума, который в той же Франции пришел через два века после «державно-религиозного», а в России начал бурную экспансию лишь 20 лет назад.

Позволю себе в этой связи важное отступление, очень кратко характеризующее радикальные изменения доминант российского менталитета на протяжении всего лишь двадцати последних лет – периода, когда старый марксистский тезис «общественное бытие определяет общественное сознание» проявил себя в очень brutальном, жестком виде.

Отступление 1.

Почему постсоветские интеллектуалы четырежды сменили свои убеждения

На моей памяти, т.е. на протяжении 1975–2009 гг., *подавляющее большинство представителей т. н. творческой интеллигенции моей страны принципиально изменяло свои ценности и установки как минимум 4 раза.*

До 1981–1983 гг. они были, в большинстве своем, последовательными и искренними марксистами-ленинцами. В 1987–1989 гг. они были последовательными сторонниками европейской социал-демократии. В 1992–1995 гг. они были, в подавляющем большинстве, активными сторонниками североамериканской модели либерализма. Начиная с 1999 г., чем дальше, тем больше, представители творческой интеллигенции становятся сторонниками государственно-державной модели.

Если мы посмотрим на более широкий круг граждан, скажем, на инженерно-техническую интеллигенцию, учителей, врачей и т. п., то до 1982 г. они в большинстве своем интересовались новыми романами в «Иностранной литературе» или очередью за сапогами. С 1985 до 1990 г. они интересовались тем, что опубликовалось про Сталина и Ленина в «Новом мире» и тем, какая мерзопакостная в СССР бюрократия. С 1992 г. они в основном интересовались тем, где достать деньги и как выжить...

Дальше я поставил многоточие, чтобы не входить в политику (помните анекдот: «я кушать хочу – отстаньте от меня со своей политикой»).

Не менее интересный результат дает применение социо-исторического подхода к анализу (не?) *приверженности россиян к ценностям демократии и прав человека*. Представим себе, что вопрос об этих ценностях был бы поставлен перед россиянами в 1988 г. Я гарантирую: ответ был бы более продвинутым в сторону демократических ценностей и прав человека, чем у граждан многих западноевропейских стран. Когда же его ставят в 2008 г., результат оказывается прямо противоположным.

Таковы простейшие примеры того, что стереотипы поведения, ценностей и мышления россиян, включая интеллектуальную элиту, изменяются очень быстро и активно под влиянием социально-экономических и общественно-политических условий.

* * *

Продолжим наши размышления о том, как нельзя искать специфику России.

Третье. Нельзя объявлять спецификой России те признаки, которые характерны лишь для некоторых частей социума в некотором отношении, а не едины для всех его слагаемых, не скрепляют его в социум. Это банальность. Но ее забывают. Как забывают и то, что *Россия очень разная*. И это не столько различие татар, пермяков и москвичей, сколько *социально-классовые различия*.

Когда собираются русские, американские и китайские бизнесмены, для них принцип: я тебя разорил, уничтожил («естественно», соблюдая правовые нормы и правила рынка) – это нормально, нравственно. «Ничего личного – всего лишь бизнес». И в этом бизнесмены (и американец, и русский) едины.

Когда встречаются представители образовательных, экологических, миротворческих и т. д. движений и организаций Индии, Латинской Америки, Европы, США и России, у них опять-таки работает единый принцип – приоритет интересов человека над соображениями максимизации прибыли. И потому они находят гораздо больше общего друг с другом, чем со своими соотечественниками из сферы бизнеса.

Поэтому видеть специфику России в чертах патриархально-общинного крестьянства или некоторых чертах сознания интеллигентов-почвенников и глубоко верующих православных людей – некорректно.

Как можно искать специфику российского социума Особенности социально-исторической эволюции России

Позволю себе очевидное (во всяком случае, на первый взгляд) утверждение: поиск специфики социума должен быть основан на соблюдении некоторых методологических принципов.

В частности, если мы исходим из азов системного метода, то задача поиска системного качества (того, что *отличает* качество системы от суммы качеств элемен-

тов и данную систему от любой другой системы, очень огрубленно – *специфики*) российского социума предполагает как минимум следующие шаги. Во-первых, выделение только тех инвариантов социума, которые характерны для всех этапов его исторического развития; всех социальных, национальных и т. п. групп. Во-вторых, фиксацию только тех элементов, которые *не* характерны ни для каких других социумов (их подсистем) ни на каких этапах их развития. Можно это требование несколько смягчить, поставив задачу выделения всего лишь *доминирующих* черт – тех, которые остаются инвариантными при всех историко-временных и социо-пространственных вариациях данного социума.

Давайте с целью поиска позитива (*во второй раз в этой статье*) обратимся к социальной философии марксизма и, в частности, к использованию историко-генетического, диалектического подхода, разработанного, в частности, советскими учеными середины прошлого века (он продолжает диалектику Гегеля и Маркса и развит, в частности, в работах Э. Ильенкова и Н. Хессина). В случае использования такого метода поиск специфики российского социума предполагает выделение ее генетически-всеобщего качества (Ильенков), «клеточки» (Хессин), из которого(ой) вырастает все богатство особенных характеристик нашего общества. При этом данная специфика будет не исчерпывающей характеристикой нашей социальной системы, ибо последняя, конечно же, включает не только специфические, но и универсальные, и «заимствованные» черты.

Впрочем, если мы явно или неявно исходим из методологии постмодернизма с ее отрицанием не только системности, но и вообще любых «больших нарративов», акцентом на деконструкции и симулякрах, то все наши предыдущие утверждения можно просто выкинуть за борт дальнейшего поиска.

Большинство «цивилизационников»-славянофилов, однако, далеки от постмодернистского нигилизма, и потому сделанные мной выше методологические ремарки остаются значимы.

А теперь от методологии к теории. В чем же может состоять *действительная конкретная всеобщность некоторого социума в отличие от других социумов? Ее можно и должно искать в специфике социально-исторической эволюции.*

Что касается России: в силу очень многих причин наша страна давно осуществляет попытки перехода от позднего феодализма к капиталистически-империалистической системе. Это переход мы пытались совершить много раз (подобно Марку Твену, который когда-то сказал: «Бросить курить – очень просто, я это делал много раз», мы пытаемся перейти к позднему капитализму вот уже более столетия...). Эти попытки не могли не породить и породили соответствующую систему духовных форм, соответствующие особенности социального поведения и т. п.

Сами по себе эти формы достаточно инвариантны для подавляющего большинства социумов на этом историческом этапе эволюции: и во Франции, и в Испании, и в

Германии, и в Австро-Венгерской империи на этапе позднего, абсолютистского феодализма была микширована классовая борьба и глубоки противоречия между «народом» и «олигархами» при вере в «доброе царя», высшей доблестью было служение империи, народ третировался как быдло и одновременно опора трона и т. п. (подробнее об этом ниже). Наша специфика, следовательно, не в этих чертах или их некоторых модификациях, а в том, что в России они устойчиво, нелинейно-циклически воспроизводятся более столетия, и *это* (а не сами эти формы) – специфика.

Так, после провала первой попытки такого перехода в Российской империи к нам пришел «сталинский проект». Он во многом восстановил старую патриархальную традицию в рамках нового социального строя. После распада СССР Россия, столкнувшись с неспособностью нашего социума к прогрессивной буржуазной модернизации, через десять лет «прозападных экспериментов» в новом веке стала в очередной раз пытаться восстановить этот консервативный проект.

Кстати, в этой незавершенности буржуазной трансформации – и одна из причин неопределенности русского социума. Кто мы? Народность? Этнос? Нация?

Если и здесь следовать марксистской методологии, то окажется, что страны, в которых так и не сложилось в полной мере единое социально-экономическое пространство (прежде всего – единый рынок и единое государственное управление), так и не стали нацией в точном смысле этого слова. Россия из совокупности раздробленных натуральных хозяйств (поместий, общин) превратилась в более-менее целостный экономический организм лишь к началу XX века. Октябрьская революция эту эволюцию прервала и положила начало образованию действительно единого социально-экономического и идейно-культурного пространства. Стал формироваться единый *советский* (не русский!) народ с особым, существенно отличным от дореволюционного, типом социальных ценностей, мотивов и стереотипов поведения (homo soveticus, прекрасная характеристика которого дана А. Зиновьевым), особым экономическим базисом и социальными отношениями (единая плановая система, единая система социальных гарантий, низкий уровень социальной дифференциации, абсолютно не характерный ни для до-, ни для постсоветской России, где социальные контрасты были и стали больше, чем на Западе), атеистической идеологией, *советской* культурой (последняя наследовала традиции европейского просвещения и ренессанса ничуть не меньше, чем российской классике, и явно больше, чем славянофильской тенденции) и т. д. Затем этот процесс образования единого социума опять был радикально прерван распадом СССР...

Это наша историческая реальность. Эти *исторические контрапункты* и *есть то, что нас фиксирует как особый социум*. Не некоторые формально-общие всем этапам инварианты, а противоречия изменений. Таких социумов сегодня в мире немало. И именно эта *особенность социо-исторической эволюции во всей ее конкретной всеобщности, взаимосвязанности ее прогресса и регресса* и *есть одна из*

действительных особенностей нашего общества. Именно эта нелинейная, во многом запаздывающая по сравнению с наиболее развитыми странами эволюция, с ее частыми попятными, реверсивными *инволюциями* стала первым важным фактором, обуславливающим специфику российского социума.

(В скобках замечу: немарксистское обществознание, как правило, не способно видеть единство целого не в его одинаковости, а в особой связи противоречий развития; но мы это и хотим изменить, показав, что именно так можно исследовать российский и любой другой социум.)

Продолжим. То, что Россия едва ли не большую часть своего исторического бытия пребывает в состояниях *трансформаций*, во многом обусловило слабость базисных социально-экономических детерминант в нашей системе.

США «родились» и жили 200 с лишним лет в рамках примерно одной и той же территории как рыночно-капиталистическая экономическая система с буржуазно-демократическим политико-правовым оформлением, и это, естественно, сформировало устойчивый, стабильно воспроизводимый тип рационального экономического человека как характерную черту североамериканца.

Китай тысячелетия бытствовал как азиатская деспотия, почти не изменяющая своих пространственных рамок, и это сформировало соответствующий набор стереотипов поведения и ценностных установок.

В России все постоянно менялось. Особенно последние сто пятьдесят – двести лет. Единственный период относительно устойчивого пространственно-временного бытия России – период позднефеодального абсолютизма XVII–XIX веков. Не случайно именно с наследием (я бы сказал жестче – пережитками) этого социально-экономического и духовно-политического организма связаны относительно устойчивые стереотипы так называемого «русского характера». В самом деле, для большинства социумов, находящихся на этом этапе развития, характерны:

- микшированность социально-классовых противостояний; концентрация главных прото-политических противоречий в сфере «дворцовых интриг» и подспудного противостояния верховной власти и народа (так называемая российская «соборность» в светском смысле этого понятия);
 - государственный патернализм (привычка все блага получать от «доброго царя» и во всех грехах винить плохих чиновников);
 - имперскость и акцент на геополитических проблемах бытия (в России это трактуется как державность; знаменитое «за Державу обидно!» – типичный стереотип общественного сознания позднефеодальной Европы);
 - приоритет религиозных форм общественного сознания (в России эта позднефеодальная приверженность к до-реформаторским христианским нормам часто выдается за особую «духовность» русских);
-

- сохраняющаяся общинность, обуславливающая патриархальный полупринудительный коллективизм (его также принято считать специфической чертой россиян);
- неразвитость трудовой и предпринимательской мотивации, обусловленная наследием полупринудительного труда и личной зависимости (русская «лень»);
- особое значение культуры («поэт в России больше, чем поэт...»), что типично для обществ, где сильна энергия протеста (она велика в системах, где давно назрели, но не реализованы прогрессивные социальные трансформации), но не развита социально-политическая свобода и задавлены открытые формы социально-классового противостояния (к этой важной теме я еще вернусь), и т. п.

Конечно же, все эти черты позднефеодальных социумов в России имеют некоторую специфику, как имели ее они в Чехии или Испании, Франции или Португалии, в Пруссии или... Этой специфики вполне достаточно, чтобы видеть отличие нашей страны от других стран, у которых также есть своя специфика. Но *этой* специфики мало для того, чтобы объявлять наш социум родиной особой цивилизации с особой исторической миссией и т. п.

Другое дело, что у нас есть другая специфика, делающая российский социум (но не «русских») действительно существенно отличным от основных базовых типов современных социумов. Мы отличны и от позднекапиталистических стран «центра» (т. н. «Запад», все чаще называемый ныне «Севером»), и от включенных в орбиту догоняющего развития стран полупериферии, где специфика докапиталистической эволюции также позволяет выделить блоки экс-колониальных стран (в Латинской Америке, Южной Азии и т. д.) и в недавнем прошлом сверхустойчивых имперских мега-государств (Китай), и от все более отстающих государств периферии (центральная Африка)...

Действительная специфика, нарочито повторюсь, – вся совокупность конкретно-исторических противоречий прогресса и регресса России, ее э-волюций и ин-волюций. В частности, то, что мы (в отличие от т. н. «Востока») начали активный переход к буржуазному способу производства еще 300 лет назад и регулярно пытались его совершить на протяжении последнего столетия, но (в отличие от т. н. «Запада») так его и не завершили и не прожили в рамках этой капиталистической системы хотя бы полусотни лет кряду. Вот почему относительная длительность и незавершенность разложения имперских позднефеодальных форм (они воспроизводятся вновь даже в постсоветской России) – едва ли не главный (но не единственный!) инвариант, обуславливающий то, что *считается* спецификой российского социума.

Но не только незавершенность капиталистической трансформации задает специфику России. Подчеркну: все катаклизмы наших *разнонаправленных* (и «вперед», и «назад» в историческом времени) и доминирующих по длительности (в сравнении с периодами стабильного социального бытия) трансформационных состояний задают в своей противоречивой конкретности нашу действительно значимую специфику.

Кстати, эта нелинейность нашей эволюции сделала особенно зримой *противоречивость* наших *differentia specifica*. Мы, с одной стороны, «ленивы», не слишком хороши как профессионалы (слабо развита рыночная мотивация и капиталистическая дисциплина труда), с другой – талантливы, смекалисты (у нас развита подлинная культура и способность к творчеству). Мы, с одной стороны, «соборны», верим в «доброе царя» (т. е. никак не можем уйти от сознания позднефеодального имперского абсолютизма), с другой – способны на бунт (в силу глубины давно назревших противоречий, порожденных незавершенностью давно назревших трансформаций), но бунт «бессмысленный и беспощадный» (развитых общественно-политических форм борьбы трансформационное общество не выработало)... Перечень легко продолжить.

Здесь, однако, встает новый вопрос: а каковы причины именно такого характера исторической эволюции нашей Родины? Ответ на него связан не с некоторыми национально-обусловленными «естественными», природой или богом навечно данными чертами. Эти причины обусловлены многими объективными и субъективными факторами всемирно-исторического общественного развития, пересекаясь на протяжении последнего тысячелетия (как минимум) на пространстве нашей Родины.

Важнейшие из них – те, что задают специфику протекания в общем и целом единого всемирно-исторического процесса общественного развития на том или ином социальном пространстве.

Эта специфика задается, во-первых, генезисом данного социума – тем, какие именно, с каким уровнем развития и спецификой доклассового родо-племенного строя народы проживали на территории будущей России.

Во-вторых, тем, какова специфика природно-географической среды данного социума.

В-третьих, тем, как именно перекрещивались на судьбах народов в этом пространстве токи всемирно-исторического процесса

Наконец, тем, как именно складывались субъективные факторы истории на этом пространстве.

Первый пункт мы оставим за рамками данного текста: я не являюсь специалистом; пересказывать же чужие исследования в краткой статье неуместно.

Что касается последующих двух аспектов, то они требуют специального комментария, к которому мы и перейдем ниже, оставив проблеме субъективных факторов «на закуску».

Особенности социально-пространственного бытия России

Итак, посмотрим, как и почему можно искать нашу специфику (и здесь я хотел бы в *третий раз* обратиться к потенциалу социальной философии марксизма, те-

перь – к его современным, конца XX – начала XXI века, достижениям), рассматривая социо-пространственное соотношение разных обществ.

Прежде всего, я хочу подчеркнуть: приписывать марксизму безразличие к природно-климатическому и географическому аспектам социальной эволюции отчасти было правомерно еще полвека назад. В последнее же время работы марксистских и близких к марксизму авторов – специалистов по мир-системному анализу (Иммануил Валлерстайн), проблемам догоняющего развития (Самир Амин), экономической географии и т. п. во многом изменили это положение дел. Впрочем, социальная философия марксизма всегда говорила о природно-климатических особенностях и специфике географического пространства (протяженность, особенности границ и т. п.) как важных параметрах формирования производительных сил социума, которые, конечно же, оказывают значимое влияние на специфику социально-экономических и политических, даже духовных процессов.

Безусловно, и для России специфика природно-географических параметров формирования производительных сил оказалась значимым фактором, задающим специфику нашего социального бытия. Особенно это было значимо для доиндустриальной стадии развития, когда природный компонент производительных сил был особенно важен: если сельское хозяйство – главный сектор экономики, и урожайность, приплод и т. д. зависят на 90% от качества земель и погоды, а агрикультура и техника играют минимальную роль, если нет железной или шоссейной дороги, а надежная транспортировка возможна только по воде, то, конечно же, особенности географической среды очень значимы. Они обуславливают многие особенности генезиса, да и вообще всей добуржуазной стадии эволюции социума. Наследие этой специфики, конечно же, сохраняется в некоторой (но не определяющей) мере и на более поздних этапах. Но там, где господствуют развитые индустриальные, а особенно – постиндустриальные технологии, эти параметры уже не столь важны. Соответственно, и для России эти факторы значимы в той мере, в какой мы остаемся аграрной страной со слабо развитой индустрией: хорошо известно, что мы уже давно уходим – хотя до конца так и не ушли – от этой стадии...

Наша специфика зависит от пространственных аспектов и в другом, гораздо более интенсивном смысле: это обусловленность нашего общественного бытия спецификой *социального* (не географического!) пространства России. Дело в том, что *социальное* (повторю: не географическое) *пространство, складывавшееся на нашей территории, оказалось неизбежным перекрестком постоянного столкновения разных социальных течений.*

В этом был минус (постоянные трансформации, эволюции и инволюции), но в этом есть и плюс: мы оказались открыты очень многим социальным, культурным, национальным взаимодействиям. Эта *открытость для транс-социального* (взаимодействие разных – капиталистических и феодальных, имперских и локальных –

социумов) и *межкультурного диалога*, плюс наша собственная многонациональность, многоконфессиональность и *многоисторичность* (постоянная незавершенность различных исторических «проектов», постоянные прогрессивные и регрессивные социо-исторические трансформации), делают нас гораздо более открытыми для новых социальных подвижек, чем большинство других социумов.

Да, сейчас мы от них так устали, что ничто не ценим так дорого, как стабильность. Но в стратегическом смысле россияне менее многих других социумов задавлены определенной объективной материальной социальной детерминацией, и это наша действительная специфика. *Мы в меньшей степени подчинены стандартам экономических отношений, классовых интересов и даже правовых норм, чем многие другие народы.* Почему? Да именно потому, что у нас самих все время (а последние 100 лет – особенно мощно) осуществляются радикальные трансформации.

И потому, что на нас все время осуществляются мощные внешние воздействия.

В точном соответствии с буквой и духом марксизма мы можем утверждать: да, определенный тип социума и человека эпохи модерна детерминирован прежде всего социально-экономическими и классовыми отношениями. Но если эти параметры все время меняются под воздействием внутренних и внешних сил, то именно в силу этого жесткая однозначность социальной детерминации, типичная, как я уже заметил, для тех же американцев, которые последние 200 лет живут в рамках одной и той же социальной системы, или китайцев, которые два последних тысячелетия живут в условиях сохранения ключевых традиционных детерминант, – эта *стабильность, долговременность исторически-определенного типа социального давления на человека для России относительно мало характерна.*

И это не только минус нестабильности и столь типичной для России «разрухи» (прежде всего в головах – в общественном сознании, социальных ценностях и стереотипах), но и плюс, ибо отсюда вытекает *открытость России подлинной культуре*, которая оказывает на человека и общества тем большее воздействие, чем слабее базисные экономические детерминанты, обуславливающие определяющую власть духовного производства – от идеологий до масс-культуры. Не менее важно то, что подлинная культура инвариантна. Да, культура всегда имеет национальную специфику, но принадлежит она миру. Толстой – писатель, принадлежащий миру, но это российский писатель. Точно так же как лучшие постановки Шекспира (по признанию английских критиков) – это постановки, осуществленные в СССР.

В связи с этим тезисом позволю себе второе важное отступление. На сей раз «геополитическое».

Отступление 2.**О геополитике, войнах и гражданском обществе**

Размышления о нашем Отечестве как некоей устойчивой социально-исторической структуре, существующей на некотором пространстве, относительно ограниченном и более или менее стабильном (к примеру, в границах бывшей Российской империи), обуславливают необходимость внимания к тому, что сегодня принято называть «геополитикой». Акцентированный же выше тезис о России как перекрестке различных социо-исторических взаимодействий выводит на первый план вопрос: а каких взаимодействий?

Выделим для простоты лишь два типа таких взаимодействий: основанные на насилии, прежде всего – военные, и не-военные – экономические, культурные и т. п. Сразу же сформулирую жесткое утверждение: *чем в большей степени социум объективно занят решением геополитических проблем, тем в большей степени им будут использоваться военные методы взаимодействия с другими системами.*

Так, автор уже отметил, что для монархических позднефеодальных структур геополитические проблемы, т. е. проблемы принадлежности или не-принадлежности, приобретения или потери ими *пространства*, объективно находились на одном из первых мест. Они были объективно важнее, чем экономические, духовные и любые другие проблемы внутреннего развития, т. е. социального *времени*. Поэтому постоянные войны были нормальным явлением и – по критериям того времени – *благородным, нравственным*, религией одобряемым способом решения проблем взаимодействия социальных структур.

Любая война любой страны освящалась церковью и всегда была связана с реализацией высших нравственных ценностей данного социума. Возьмите, к примеру, походы Суворова по Западной Европе, немало способствовавшие восстановлению позднефеодальных империй, – исключительно «благородная» (по критериям российской монархии) миссия во славу православных ценностей. Можно взять обратный пример, когда Наполеон шел на Россию для реализации соответствующих «ценностей»...

Выше я по сути дела сформулировал некую общую закономерность: *чем более объективно значимы для социума (в силу специфики его социо-исторического типа) являются геополитические проблемы, тем важнее военные методы взаимодействия социумов.*

Невоенные методы решения проблем связаны с преобладанием других типов объективно возникающих и становящихся доминирующими проблем – и с другими субъектами. Здесь работает *неустойчивая закономерность-тенденция*, которую я бы сформулировал так: *чем в большей степени субъектами взаимодействия социумов в пространстве становятся не государственные образования, а индивиды, субъекты культурного процесса, субъекты гражданского общества, тем в мень-*

шей мере объективно оказываются востребованными военные методы решения проблем.

И еще один тезис в рамках этого отступления. Капитал, особенно современный, транснациональный, в отличие от того, что принято о нем думать, не является субъектом, обеспечивающим невоенные методы решения пространственных проблем. Этот капитал, как правило, имеет национальное «место прописки» и срощен с интересами определенных государств, как правило, прото-имперских, играющих роль наднациональных игроков. Перспектива здесь в том, что ТНК будут еще более срощиваться с наднациональными государствами наподобие США. В зависимости от типа развития и многих других параметров, ТНК может использовать или не использовать военные методы решения проблем, так же, как и государство. Следовательно, *чем больше будет контроль граждан и культурных процессов над геополитическими социо-пространственными процессами, в частности, над государственным капиталом, тем меньше возможностей для военных методов.*

Особенности «субъективного фактора»

Этот раздел будет совсем коротким. И не потому, что в этом поле специфика нашего социума мала, а в силу прямо противоположного обстоятельства: для обществ, регулярно переживающих мощные социальные пертурбации, роль субъективного фактора особенно значима. И это очень значимая специфика таких социумов, и России – в частности. Роль полустихийных общественных движений и отдельных личностей в периоды радикальных реформ, революций и контрреволюций особенно значима.

Вдвойне этот фактор оказался значим для России еще и потому, что у нас один из немногих устойчивых социальных стереотипов – государственно-державный. Он оказался наиболее устойчивой формой и в Российской империи (как и в большинстве других позднефеодальных образований), и в Советском Союзе (в силу мутаций первых попыток построить социализм). А эта форма предполагает существенную зависимость конкретных путей и методов реализации централизованной государственной власти от личности «вождя». Реформы 1700-х в России были бы в любом случае, но их радикально-брутальная реализация, унесшая жизни более 30% россиян, была во многом связана с личностью Петра. В СССР 1930-х была объективно востребована ускоренная модернизация, но то, что за нее наша страна заплатила жизнями миллионов, во многом на совести Сталина (для примера: после краха СССР в 1990-е годы Куба оказалась в не менее трагически-опасном положении, однако вышла из кризиса в условиях блокады без сколько-нибудь значительных политических жертв).

Следовательно, и эта особенность нашего социума – «персонализированность» исторического бытия, гипертрофированная роль лидера как символа (а в ряде случаев – реального верховного субъекта) тех или других исторических преобразований, –

тоже имеет вполне рациональное теоретическое объяснение в рамках социологической парадигмы марксизма.

Некоторые выводы

Превратные формы общественного сознания или еще раз о соборности, духовности и т. д. россиян

Суммируем. Выше автор постарался доказать, что поиск особенностей того, что принято называть «особой российской цивилизацией», в традиционной логике выделения некоторых вечных, богом данных особых черт всех россиян, характерных для них во все времена, – тупиковая, с научной точки зрения, попытка. Инвариантных особенностей, которые были бы характерны для всех этапов развития нашей страны на протяжении ее многотрудной истории, найти удастся очень мало. Если еще пытаться найти те инварианты, которые должны быть характерны для всех социальных слоев, то не останется почти ничего.

Откуда же берется эта упорная, столетиями воспроизводимая уверенность в том, что россияне державны, соборны, православны, общинно-коллективны и духовны? Что это, выдумка?

Отнюдь. Да, мы в большинстве своем 150 лет назад были на 99% религиозны и верили в богоданность крепостничества; 50 лет назад на 90% атеистичны, уверены в преимуществах социализма и презирали рынок и спекулянтов; сейчас мы на 50% хотим верить в бога (а также в магию и пришельцев), а на 50% не верим ни во что, и в подавляющем большинстве, особенно молодежь, стремимся прежде всего к тому, чтобы иметь много денег, а конкуренцию считаем «естественным» и главным атрибутом любого цивилизованного общества...

И все же названные выше черты, приписываемые россиянам, не выдумка.

Во-первых, это устойчивый стереотип определенного типа общественного сознания, который не случайно сформировался как одна из доминант в кругу российской «элитной» интеллигенции» в конце XIX века, затем почти исчез в СССР, а в РФ начала XXI века вновь стал быстро превращаться едва ли не в государственную идеологию. И этот тип общественного сознания, равно как соответствующих ему науки, искусства, пропаганды и агитации, не случайно возникал и был востребован властью имущими не раз и не два в нашей истории. Причины этого я уже назвал, и они опять же вполне материальны и исторически понятны: *такой* тип общественного сознания был адекватен запросам и власти, и значительной части социально-активного общества сто – сто пятьдесят лет назад, такой тип общественного сознания адекватен союзу бюрократии и олигархов, а также большей части «политического класса» в целом в современной России, стремящейся стать «периферийной империей». Бо-

лее того, он адекватен большей части уставших от трансформаций, униженных распадом СССР и провалом «демократических» реформ граждан РФ 2000-х.

Во-вторых, и это особенно важно, названные выше черты российского социума и его типичных представителей действительно существуют как... превращенные, особым типом духовного производства «переваренные» проявления действительных особенностей нашего общества и его членов. Как я постарался показать выше, наша э-/ин-волюция привела к тому, что относительно долго и устойчиво у нас воспроизводились только близкие к позднефеодальным и мутантно-социалистическим формы социальной и политической организации – приоритет внешнего, государством навязываемого единства («соборность»), территориального выражения целостности («державность») и др. Наше бытие на перекрестке различных социальных пространств и постоянные трансформации ослабили экономическую и социально-классовую детерминацию и повысили значимость субъективно-политических факторов, личности («вождизм», привычка к патернализму) и культуры («духовность»)... Перечень легко продолжить, ибо именно эти черты я выводил (не постулировал!) выше на основе социально-исторического исследования, выдержанного в основном в рамках современной марксистской школы.

Другое дело, что эти действительные особенности ныне преподносятся в виде особых превратных форм – форм, создающих видимость иного, чем действительное, содержания.

Поясню. Нам внушают, что россияне – соборны. Истинно это утверждение? По видимости, да. Действительно, в среде современных идеологов, церковных проповедников и т. п. такие черты *считаются* или *принято считать* типичными для россиян, и значительная часть россиян думает (или, точнее, *хочет думать*), что они для них типичны. Поэтому эта форма *действительна*. Но она превратна, ибо в сущности современные россияне очень различны в своих базисных, наиболее значимых интересах. И бизнесмен, и наемный рабочий в своих практических действиях и поступках и в Российской империи сто лет назад, и в сегодняшней России в большинстве своем ориентированы прежде всего на частную выгоду, а не на благо «державы». Соборности как реально доминирующей общественной скрепы, «естественной», изначально и вечно присущей России не было и нет. Есть другое – реальное материальное основание этой превратной формы общественного сознания. И это основание состоит в названных выше особенностях ряда значимых для российской истории форм социально-политической организации (напомню – централизация социальной и политической власти, размытость социально-классовой структуры и т. п.), которые оставили значимый след в общественном сознании и воспроизводятся ныне.

В чем разница между тезисами о соборности как (1) атрибуте России или (2) превратной форме общественного сознания?

Отнюдь не в том, что в первом случае она признается как реальность, а во втором – нет. Сторонники обоих подходов считают ее реальной.

Различия в ином.

Первые определяют ее как один из «естественных», вечных, самой русскостью данных атрибутов России и россиян. Вторые (и автор в том числе) считают этот феномен реальным, но только как превратная форма, и типичным не для России вообще и навсегда, а лишь для определенного типа общественного сознания.

Первые вполне логично отсюда выводят необходимость развития этого начала как одного из главных и извечных средств «сосредоточения» (Ю. Осипов) России. Вторые требуют конкретно-исторического анализа тех оснований, которые скрыты за формой «соборности», и доказывают, что скрыто за ней фундаментальное противоречие реакционно-консервативных форм авторитаризма, личной зависимости и т. п., с одной стороны, и прогрессивных форм свободной ассоциации, с другой стороны...

Первые постулируют соборность как атрибут российской цивилизации, предлагая науке мышление при помощи набора позитивных аксиом, позаимствованных из работ авторитетов (едва ли не в первую очередь – религиозных). Вторые выводят действительные основания этой превратной формы на основе социо-исторического исследования противоречий социо-пространственного и социо-временного бытия нашего Отечества...

Перечень различий можно продолжить.

Точно так же можно показать различия в трактовке других «атрибутов» того, что принято называть «российской цивилизацией»: державности, духовности и т. п.

Так есть ли особенности у Российского социума?

Есть. Но если искать их как сугубо позитивные инварианты, реально, в практике присущие большинству всех основных социальных групп россиян на всех этапах развития нашей страны, то они окажутся довольно слабо выражены. Формально общих (построенных на основе поиска одинаковых черт) особенностей, присущих всем россиянам, мало, и они не слишком значительны.

В противоположность этому выявляемая на основе марксистского социо-философского анализа действительная диалектическая конкретная, противоречивая всеобщность российского социума, отличающая его от других есть, и она значима. Это специфика его социо-временного и социо-пространственного бытия. Выразить эту специфику можно не через некий набор внешне наблюдаемых черт, а исключительно при помощи построения целостной системы категорий, отражающих историческую и пространственную эволюцию нашего социума во всей их конкретности.

Эта задача пока еще никем даже близко не решена.

«Цивилизационники» не хотят и не могут применять названную методологию

Марксисты, – и это наша вина, а не только беда, – оставили эту проблематику в стороне.

В результате общественное сознание (и общественная наука) России вертится в замкнутом круге спора «русофилов», постулирующих цивилизационные инварианты России, и «западников», отрицающих их наличие. Одни возвеличивают формы, не желая замечать их превратность, а другие, «нутром чуя» превратность этих форм, пытаются их объявить несуществующими, а заодно и на практике изничтожить все особенности нашей Родины, причем не только мнимые, но и реальные, не только патриархально-реакционные, но и прогрессивные, приведя нас всех к торжеству «глобального человеиника».

Внешне парадоксально, но по сути глубоко закономерно, что в противостоянии этому аннигилированию (только в этом!) автор солидарен с русофилами. Но предлагает совершенно иную, по сути – прямо противоположную русофильской, альтернативную стратегию.

P.S.

«Проект Россия»

(Особенности российского социума как фактор выработки стратегии будущего)

В качестве постскриптума несколько слов *об исторической перспективе*.

Начну с того, что вновь подчеркну свое согласие со славянофильскими критиками процесса «оглобления» нашей Родины и нивелирования ее специфики. Тем более я согласен с имеющейся у них критикой ужасов капитализма 90-х и 2000-х годов в нашей стране, с тезисом о разрушении национальной культуры и российских народных традиций и т. д.

Но и здесь есть нюансы. Эти ужасы – не что-то специфическое исключительно для России. То же самое можно сказать практически о любой стране, по которой сегодня катится каток капиталистической глобализации. Она в любой стране (особенно – в слабо- и средне-развитой) ударяет по национальной культуре, по традиционным ценностям, по духовному развитию, по возможностям перехода к высоким технологиям, по социальной справедливости. Поэтому вся сегодняшняя критика «оглобления» России один к одному воспроизводится моими латиноамериканскими коллегами, в частности моими друзьями из Венесуэлы. А ведь там нет и не может быть «русской специфики». Чавес вырос совершенно независимо от русского социума и не очень хорошо знаком с нашей культурой. Тем не менее, его аргументация на 90% сходна с аргументацией русофилов. Только он апеллирует к строительству социализма, специфическому духу Латинской Америки и национальным особенностям Венесуэлы, а славянофилы – России.

Апеллировать к некоему муссируемому славянофилами инвариантному «русско-му духу» проще. Это очень хорошо ловится общественным сознанием. Но это не означает, что эта апелляция истинна. Поэтому, соглашаясь с ними в описании критических проблем нашего Отечества, я не соглашаюсь в методологии поиска и содер-

жании причин и путей преодоления наших проблем. Поиск стратегий будущего в той парадигме, из которой исходят мои оппоненты, – в особенностях российской цивилизации, – оказывается так или иначе ориентирован на ностальгию по тем скрепам, которые (отчасти – лишь в представлениях державников, отчасти – и в реальности) были характерны для Российской империи и советского общества.

В той мере, в которой Российская империя была некапиталистической и в ней были элементы действительного развития подлинной культуры, эти ориентиры, конечно же, интересны и важны. В той мере, в которой в Советском Союзе были высокие образовательные, научные, технологические, социальные и иные достижения, безусловно, мы можем и должны на это опираться. Но не очень понятно, при чем здесь российская цивилизация?

Если же мы посмотрим на проблему поиска стратегии будущего в неспецифически-русском контексте, тогда появится иная проблема – проблема опоры на подлинную культуру *всего* мира: Шекспира, Толстого, Гомера, Маркеса и т. д., в отличие от Жан-Клода Ван Дамма, «Дома-2» и другого ширпотреба, которые также характерны для любой части земного шара. Чем наш «Дом-2» отличается от их «Дома-2», я не знаю. А вот Толстой отличается от Шекспира, Маркеса и т. д. принципиально, но они составляют в этом многообразии совершенно другое поле – диалектически единое поле подлинной культуры, на приоритетное развитие которой должна опираться стратегия будущего России (хотя не только России). Поэтому нам надо восстанавливать не русскую культуру, а Культуру (в том числе – российскую, советскую и т. д.). Не советскую модель технологического развития, а социо-эколого-гуманитарно-ориентированные технологии постиндустриального двадцать первого века, используя (в том числе) достижения СССР. Не соборного человека, а свободно и гармонично развивающуюся личность, которая наследует достижениям не только русской и советской, но и ренессансной, и китайской и т. д. Культуры.

Кстати, если мы посмотрим на советскую модель человека, то, начиная от идеи свободного всестороннего развития личности и включая многие другие параметры, она будет опираться скорее на ренессансные идеи, чем на идеи русофилов...

Вот почему стратегия развития России состоит не в том, чтобы отделиться от других и навязать или просто сохранить свою специфику. Это тупиковые пути. Они предполагают, что нас ждет или замкнутость и отсталость, или превращение в часть «глобального человеиника» (А. Зиновьев).

Но существует и другая альтернатива. СССР многие считают закрытой системой, которая если чем и была известна, так это своим ВПК. Позволю себе не согласиться. Да, у нас были одни из самых мощных в мире термоядерные ракеты и подводные лодки, танки и самолеты. Но *главное, в чем СССР был открыт миру, – это в своей культурной «экспансии»*. В результате в эпоху максимального развития науки и культуры в Советском Союзе (конец 1950-х – начало 1960-х годов) мы были мировым

культурным лидером, потому что поймали ту новую *мировую* идею, которую ни одна другая страна *так* развернуть не могла – идею приоритета Человека, искусства, культуры.

(Напомню, тогда основным лозунгом компартии был: «Все во имя человека, все для блага человека»; практика его воплощения была во многом уродливой, но для мира он был связан не с закрытыми распределителями и кукурузоманией, а с советскими наукой, образованием, искусством, прорывами в космос...).

Вот почему – позволю себе более чем спорный тезис – единственное *будущее России как автора нового мирового проекта состоит в том, чтобы найти новую **интернациональную**, мировую идею*, которую мы при всех своих особенностях (а отчасти и благодаря им) будем дарить людям, получая от них взамен ничуть не меньше...¹

Возможно, мы сумеем это делать в чем-то лучше других (а в чем-то хуже). Лучше – в силу как раз тех положительных сторон нашей эволюции, о которых я писал выше, размышляя о большей, чем у многих народов, открытости россиян социокультурному диалогу, меньшей задавленности социо-экономическими стереотипами и детерминантами и т. п. Хуже – опять же в силу специфики нашей эволюции со всем ее добуржуазным наследием...

И чем более активно и открыто мы будем дарить наши достижения, тем больше мы будем получать взамен и тем больше мы будем цениться в мире, тем больше будет уважение к нам и наше влияние на мировые процессы.

¹ Этот проект автор разрабатывает в диалоге с А. И. Колгановым и другими моими товарищами уже не первый год. Разные аспекты этой стратегии были представлены в серии наших публикаций в журналах «Политический класс» и «Альтернативы». Наиболее полная версия представлена в заключительной части нашей только что вышедшей книги «Мы пойдем другим путем. От «капитализма юрского периода» к России будущего» (М.: Яуза, 2009).
